

Глава 6: Это мой собственный внук

Вечером дедушке Цаю пришлось нести Лу Жуна, чтобы вновь увидеть тот же разрушенный участок дороги.

Лу Жун кормил щенка травой во дворе, он проглотил и сунул щенку в рот несколько стеблей коровьей травы: “Ешь, это вкусно”. Щенок увернулся назад, поэтому он терпеливо погнался за ним: “Ты поймешь, когда попробуешь ее на вкус”.

Щенок некоторое время обнюхивал траву, но все же повернул голову в другую сторону.

Дедушка Цай вышел из дома и сказал: “Жун-Жун, давай прогуляемся до перевала”.

Он достал из кармана конфету, развернул конфетную обертку и сунул ее в рот Лу Жуну.

Лу Жун присел на корточки, глядя на щенка: “Дедушка, я не хочу уходить”.

“В эти дни люди Дао Бана ремонтируют дорогу, так что она почти закончена. Разве ты не хочешь пойти и посмотреть?” — спросил дедушка Цай.

Лу Жун коснулся языком к конфете и почувствовал фруктовую сладость. Он поднял щенка, развернулся и пошел обратно в дом, сказав голосом, который мог услышать лишь один человек и одна собака: “Я не хочу идти смотреть на это”.

На следующее утро дедушка Цай не дал Лу Жуну поспать, рано вытащил его из-под одеяла, одел и дал ему очищенное яйцо, сваренное вкрутую.

“Жун-Жун, дедушке нужно ехать в соседнюю деревню по делам, так что ты будешь играть у Ли Чжэна. Я заеду за тобой в полдень, после того как закончу свои дела.” Дедушка Цай присел на корточки, чтобы надеть свои хлопчатобумажные ботинки, и сказать вслух.

Лу Жун ел яйца, прищурившись, и когда он услышал слова “Я заберу тебя после того, как закончу свою работу”, он не пошевелился.

Дедушка Цай завязывал шнурки на ботинках, когда две теплые капли внезапно упали ему на тыльную сторону ладони, и после легкого оцепенения он удивленно поднял глаза.

Лу Жун, все еще держа в руке половинку яйца, низко опустив голову, по его лицу текли слезы.

“Малыш, что с тобой такое?”

Лу Жуна опустил голову и ничего не сказал, его слезы потекли более свободно.

Несколько мгновений спустя дедушка Цай с черной сумкой из искусственной кожи и рюкзаком Лу Жуна на спине шел по деревенской дороге в другую деревню.

“Тебе холодно?” — спросил дедушка Цай.

Лицо Лу Жуна покраснело от холодного ветра, его глаза были прищурены, но он сказал: “Нет, мне не холодно”. Он протянул руку и коснулся лица дедушки Цая: “А дедушке холодно?”

“Дедушке тоже не холодно”.

Дедушка Цай отправился в деревню Чжэнцзя, чтобы спросить о посадке трав. Гора Лунцюань была высокогорной и имела сухой климат, который подходил для посадки трав, и многие жители деревни Чжэнцзя сажали ложный женьшень, он хотел пойти и проверить это.

Деревня Лунцюань находилась на горе на протяжении многих поколений и всегда была бедной. Если бы они могли выращивать лекарства, даже если бы молодые люди выходили работать, группа старых и больных людей могла бы заработать хотя бы несколько долларов.

“У тебя замерзли ноги?” — спросил дедушка Цай у Лу Жуна.

Ноги Лу Жуна в округлых хлопчатобумажных туфлях зашевелились в глубине бамбука, он сказал: “Нет, они не замерзли”.

Он искоса посмотрел на ноги дедушки Цая.

Дедушка Цай был в таких же хлопчатобумажных ботинках, как и он сам, с толстым верхом из черной ткани, толстой резиновой подошвой, только с заплаткой на большом пальце.

Вчера вечером, когда он мыл ноги, он ткнул пальцем в заплатку: “У дедушкиных ботинок выросли глаза”.

Деревня Чжэнцзя была немного больше и густонаселеннее, чем деревня Лунцюань. Дедушка Цай фамильярно поприветствовал деревенских жителей и понес Лу Жуна ко входу в сельскую управу.

“Дядя Цай уже здесь? Заходи и садись у огня, быстро, быстро.” Деревенские жители деревни Чжэнцзя тепло приветствовали дедушку, который вошел в дверь и снял рюкзак, держащий Лу Жуна.

Члены деревни прикоснулись к лицу Лу Жуна и вручили ему две твердые фруктовые конфеты.

Лу Жун наклонил голову, чтобы посмотреть на дедушку Цая, и увидел, что тот кивнул, и, прежде чем принять конфету он вежливо поблагодарил их.

Жителям деревни очень понравилось, что ни у одного деревенского ребенка не было привычки говорить "спасибо", поэтому они с нежностью спросили: "Дедушка Цай, это твой внук? Он такой красивый и сладкоречивый".

Лу Жун снова метнул взгляд к лицу дедушки Цая, глядя на него с некоторой нервозностью.

Дядя Цай отнес его к маленькому камину и сел, тыкая огонь, чтобы тот стал больше, говоря: "Да, мой новый внук. Я не могу оставить его одного, поэтому могу только нести его на спине по деревне."

Лу Жун расслабился и начал слушать их разговор, пока очищал конфету, вытащил одну и соскользнул с высокого табурета к дедушке Цаю, потянувшись к его рту.

Дедушка Цай сделал вид, что ест, преувеличенно приоткрыл рот и сказал: "Вкуснятина-вкуснятина. Жун-Жун, съешь это сам."

Лу Жун, однако, не подчинился словам, сам не съел конфету, все еще упрямо протягивая руку.

"Съешь сам, это знак нашей признательности". Жители деревни засмеялись.

Дедушке Цаю пришлось взять конфету, улыбаясь морщинами всего лица, и поцеловать Лу Жуна в тыльную сторону мясистой ладони. Затем Лу Жун вернулся к своему табурету, взобрался на него и начал сосредоточенно чистить очередную конфету.

Дедушка Цай и жители деревни немного поболтали, прежде чем они отправились по домам жителей деревни, чтобы узнать подробности. В тот момент, когда он распахнул дверь на улицу, в комнату вместе с холодным ветром ворвалось облако снежных хлопьев.

Он поколебался и сказал жителю деревни, находившемуся в доме: "Вы можете оставить ребенка здесь? На улице слишком холодно, помоги мне немного присмотреть за ним."

Деревенский житель в синих манжетах улыбнулся и сказал: "Дедушка Цай, не волнуйся, этот мальчик так хорошо себя ведет, я могу за ним присмотреть".

Дедушка Цай прошептал несколько слов Лу Жуну, сказав, что он вернется после того, как закончит свои дела, и попросил его остаться здесь и погреться у огня.

Лу Жуну это не очень понравилось, но он слышал разговор между дедушкой Цаем и деревенским жителем, поэтому после небольшой борьбы согласился.

После того, как он ушел, Лу Жун тихо сидел у камина, не издавая ни звука.

Деревенский житель с синими рукавами выполнил свою задачу, прежде чем вспомнил, что там все еще сидит ребенок. Похвалив его за послушание, он пошел в угол, достал из мешка несколько картофелин и закопал их в ящик для золы.

“Позже я угощу тебя печеной картошкой”, - сказал он с улыбкой.

Лу Жун снова тихо поблагодарил его.

На квадратном столике рядом с ним стояли маленькие часы, тикающие в тишине комнаты. Лу Жун уставился на длинную стрелку часов, наблюдая, как она вращается и вращается, в то время как деревенский житель в синих рукавах закончил закапывать картофель и вернулся к документам.

Всякий раз, когда снаружи раздавались шаги, он резко бросал взгляд на дверь, пока шаги не затихали вдали, а затем дисциплинированно садился обратно.

Его маленькие ступни в хлопчатобумажных туфлях лежали на перекладине высокого стула, а две руки были заложены за спину.

Деревенский житель взглянул на него и рассмеялся: “Дитя, не прячь руки за спину, разве тони не устают?”

Лу Жун снова спокойно положил руки на колени.

Картофель, зарытый в золу, постепенно источал аромат, и деревенский житель в синих рукавах отложил ручку, которую держал в руке, выковырял картофель кочергой, подул на него, очистил от кожуры и протянул один Лу Жуну.

Лу Жун взял ароматную картошку, но откусил только кусочек, а остальное есть не стал. Все его внимание было теперь приковано к двери, он внимательно следил за каждым движением снаружи. За дверью слышались шаги, и он снова повернул голову, его глаза сияли, когда он смотрел на закрытую дверь.

Дверь распахнулась, и вошел незнакомец: “Цзэнэр, проводи меня в дом Старого Цзэна и спроси его, хочет ли он зерна на следующий год”.

Свет в глазах Лу Жуна мгновенно потускнел, и он разочарованно посмотрел на чайник,

стоящий на камине.

Деревенский служащий в синих рукавах вышел на улицу, проинструктировав Лу Жуна, когда тот подошел к двери: “Мальчик, просто подожди здесь у камина своего дедушку. Не выбегай наружу, на улице холодно.”

“Хорошо,” — добродушно ответил Лу Жун.

После того, как деревенские ушли, он продолжал ждать, и картошка, которую он только что откусил, постепенно становилась холодной и твердой в его руках.

Чайник булькнул, и из носика хлынул горячий воздух. Длинная стрелка часов продвинулась еще на пол-оборота, а дедушка Цай все еще не вернулся.

Лу Жун соскользнул с высокого табурета, подошел к двери, некоторое время смотрел на дверную ручку, а затем, наконец, потянул ее на себя. Под ветром и снегом он осторожно спустился по ступенькам двора сельсовета и встал на тропинке.

Больше никто не проходил мимо, и Лу Жун стоял посреди дороги, глядя вглубь деревни.

...

Дедушка Цай попрощался с жителями деревни, которые послали его ко входу во двор, и пошел обратно вместе с сопровождающими его жителями деревни. Двое мужчин свернули за угол после небольшой дискуссии, и он застыл на месте.

Маленький человек стоял на дороге под деревенской ратушей, похожий на маленькую статую. Он не знал, как долго он там стоял, но его шапка и плечи были покрыты слоем белого.

Увидев его, маленький человечек пошевелился, как бы собираясь двинуться вперед, но затем замер на месте.

Дедушка Цай шагал вперед, все быстрее и быстрее, и, наконец, подбежал. Он обнял Лу Жуна и спросил проникновенным и сердитым голосом: “Зачем ты вышел сюда? Разве я не говорил тебе подождать меня у камина?”

Дедушка Цай снял перчатки и дотронулся до лица Лу Жуна: “Посмотри на свое лицо, оно замерзло, как кусок льда. У тебя нос отморожен, дай я пощупаю спину, посмотрю, не холодно ли.”

Лу Жун не ответил, но его пара больших глаз, уставившихся на дедушку Цая, быстро наполнились слезами, его застывшие уголки губ опустились.

Сразу же после этого раздался пронзительный крик. Он протянул руку, обнял дедушку Цая за шею и сильно прижался лицом к лицу дедушки Цая, крича: “Дедушка, ты вернулся! Ты вернулся!”

Он плакал так печально, с открытым ртом и закрытыми глазами, как будто пережил бесконечные ужасы. Он плакал все громче и громче, ясно понимая, что кто-то причиняет ему боль и уговаривает его, поэтому он плакал так сильно, как только мог, выкрикивая все страхи, которые он только что испытал, когда его снова бросили.

Глаза дедушки Цая тоже были влажными, он поджал губы, похлопывая Лу Жуна по спине: “Я всегда буду возвращаться. Жун-Жун все еще здесь, так что я обязательно вернусь. Не нужно плакать. Ты так много плачешь, что у дедушки разрывается сердце.”

Члены деревни на мгновение замерли позади них, хлопая в ладоши и смеясь: “Посмотрите на себя, всего мгновение разлуки, и вы оба плачете”.

...

После такого незначительного инцидента Лу Жун внезапно перестал быть немногословным в последние дни и, как маленький болтун, болтал без умолку. Он также был в очень хорошем настроении, всегда обнимал дедушку Цая за шею и терся о него лицом.

Но вечером, когда дедушка Цай упомянул о том, чтобы отправить его вниз с горы, он встретил яростное сопротивление.

“Я не хочу идти! Я не пойду! Я не пойду!” Вымыв ноги, Лу Жун перекатился на кровати в своей теплой одежде.

“Не хочешь идти? Не идешь домой? Просто будешь пасти коров и выращивать лекарства здесь, в горах?” — спросил дедушка Цай с улыбкой.

Лу Жун продолжал кататься по полу: “У меня нет дома, нет мамы и папы, нет Ван Ту. Я не пойду.”

Дедушка Цай на мгновение остолбенел, а затем сказал: “Что за чушь ты несешь? На этой горе ничего нет, ты должен вернуться”.

“Я не вернусь, никто не хочет, чтобы я возвращался. У меня нет дома, так что я все равно отправляюсь на помойку”. Лу Жун перестал кататься, посмотрел на дедушку Цая и сказал с невозмутимым видом: “Я хочу кормить коров, я хочу выращивать лекарства, так что дедушка не может меня бросить, я твой новый внук”.

Несмотря на то, что он играл в недотрогу, ребенок не мог скрыть своего сердца, его глаза были

полны страха и мольбы, а маленькая грудь вздымалась от напряжения.

Дедушка Цай на мгновение замолчал и наклонился, чтобы дотронуться до головы Лу Жуна. “Дедушка завтра пойдет в полицейский участок и спросит, может ли он оставить тебя”.

“Дедушкины слова — это обещание,” — Лу Жун спрятал голову в одеяло, но в его голосе появились плачущие нотки.

“Я сдержу свое слово”.

Когда рухнувшую дорогу починили, дедушка Цай спустился с горы один, сказал Лу Жуну, что пошел искать лекарство, и позволил Эгману и остальным взять его с собой на день развлечений.

Еще через два дня зазвонил стационарный телефон деревенского комитета, и это был полицейский участок ниже по склону горы, разыскивающий дедушку Цая.

“Да, да, Гао Ченган был арестован? Мн, мн, мн... Ребенок говорит о Маленьком Цветочном детском саду... Что? Опекун пропал? Никого не смогли найти? О... Не в приют, нет, этот ребенок не пойдет...”

Дедушка Цай кричал в трубку, когда Лу Жун стоял рядом с ним, плотно сжав губы.

Зима на горе Лунцюань медленно проходила, снег исчез, и гора была полна светло-зеленого цвета.

Лу Жун снял свою толстую хлопчатобумажную куртку и надел поверх свитера флисовую майку, каждый день играя со своим щенком во дворе деревенского совета, иногда бегая вниз головой за детьми-яйцами.

В этот период дедушка Цай часто спускался с горы и иногда брал его с собой в городской полицейский участок, чтобы ответить на различные вопросы дядей и тетей, и спрашивал его, не хотел бы он пойти в детский дом, где были учителя и много детей.

Он очень нервничал и все спрашивал, не заберут ли его, но он не хотел уходить, он просто хотел последовать за своим дедушкой.

В последний раз, когда он отвечал на этот вопрос, было почти лето.

После того, как дедушка Цай подписал толстую кипу бумаг, дядя, которого он уже знал, присел перед ним на корточки и с улыбкой сказал: “Лу Жун, тебя больше не заберут, отныне ты будешь жить со своим дедушкой. Но если ты почувствуешь себя несчастным, ты должен

прийти к дяде, хорошо?”

Глаза Лу Жуна ярко засияли, и он раскрыл рот, желая заплакать, а затем улыбнулся со слезами на глазах.

В тот день дедушка Цай пронес его по всему городу и зашел в ресторан пропустить пару стаканчиков. Он заказал корнеплоды, обжаренные с вялым мясом, свиные ребрышки с арахисовой корочкой, и когда его спросили, он крикнул в ответ: “Это мой собственный внук, мой мальчик!”

Лу Жун, который грыз ребрышки, поднял свое маслянистое лицо и серьезно повторил: “Твой мальчик!”

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326835>